

13. *Матвеева Т. В.* Непринужденный диалог как текст // Человек — Текст — Культура. Екатеринбург, 1994. С. 125–140.
14. *Матвеева Т. В.* Риторический практикум журналиста. М., 2007.
15. *Мурзин Л. Н., Штерн А. С.* Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.
16. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М., 2006.
17. *Филиппов К. А.* Лингвистика текста. СПб., 2003.
18. *Четкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.

Статья поступила в редакцию 10.05.2012 г.

УДК 070(091) + 316.73

И. В. Малахеев

БЫТЬ ЛЕТОПИСЦЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

Рассматриваются вопросы преемственности традиций отечественной журналистики (от древних летописцев до современных публицистов), а также ее особая миссия как части национальной культуры и защитницы интересов народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика, литература, летописец, Россия, история, миссия, культура, товар, рынок, общество.

Председатель Союза журналистов России Всеволод Богданов в интервью «Парламентской газете», говоря о начале своей творческой биографии, сообщает: «...в Магадане я очень много работал... И именно эти обстоятельства меня “построили”. Я занимался и радио, у меня была утренняя, раз в неделю, программа на телевидении... Именно в Магадане смог познать, что такое журналистика, и с тех пор меня никто не собьет с толку в этой профессии, особенно в нашей стране, где газета всегда помогала простому человеку. Даже в СССР пресса имела оппозиционную нишу! И власти это поощряли, хотя и в разумных пределах...» [2].

Ветеранов журналистики, думается, радует признание авторитетного коллеги. К примеру, автор этих строк, сознательно выбрав профессию и окончив в 1969 г. факультет журналистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького, до конца века занимался практической журналистикой — деятельностью во благо общества. Одной из важнейших особенностей этой деятельности (созидательной ее составляющей) была посвящена статья «Уральская школа журналистики: миф или реальность» [5, 12–25].

Сегодня можно сколько угодно говорить о том, что от имени народа и государства действовала партийная номенклатура, что жизнь страны освящалась прессой через призму господствующей идеологии, что никакой журналистики

без «истинной» свободы быть не может... Все это только слова. И они применимы, в той или иной степени, ко многим странам, в том числе и к современной России. Но советская журналистика, как и советская эпоха, закрепились в отечественной истории не словами, а такими величайшими достижениями народа, которые поставили СССР в число лидеров по социальной защищенности своих граждан и второй (после США) — по экономическому и оборонному могуществу. Достижения в образовании, культуре, здравоохранении, науке и технике, мощный производственный и ресурсный потенциал советского времени до сих пор являются социально-экономическим фундаментом существования России, поставленной 20 лет назад на путь реставрации капитализма.

Апеллируя горькими частностями, спекулируя трагедийными фактами, критики социалистического прошлого не усматривают мирового исторического контекста, в котором существовал СССР, не проявляют желания обнаружить сущностное для нации — то, что Россия в XX в., несмотря ни на что, осталась верна вектору, целям, нравственным основам своего исторического развития. И чем дальше она отходила от принципов «до основания, а затем», «революционной целесообразности», тем явственнее проступали черты преемственности поколений и веков. Настоящее воспринималось как закономерное, неизбежное продолжение исторической судьбы народа. И авторов лучших образцов журналистики, как и советской литературы, отличало эпическое миропонимание. Взять хотя бы А. А. Аграновского с его очерками, вошедшими в книгу «Своего дела мастер» [1].

В отличие от советского искусства, которое провозглашалось национальным по форме и социалистическим по содержанию, жизнь самого народа была социалистической по форме, а по нравственному содержанию — национальной: в основном такой же, как в Древней Руси и досоциалистической России. Сердцевиной этого содержания были забота о процветании Отечества, труд, как дело чести, совести и геройства, семья, как ячейка общества — своеобразный кирпич в здании государства, четкое разделение понятий добра и зла, пользы и вреда, превосходство коллективного интереса над эгоистическим личностным и т. д. Отражением и развитием этих содержательных начал и занимались советские журналисты. Не случайно их называли летописцами. Они были призваны писать историю современности, и писать ее так, чтобы приносить максимальную пользу народу-созидателю и своей стране.

В четырехтомном словаре русского языка [11, 2, 179] понятие «летописец» «расшифровывается» как составитель летописи; лицо, регулярно ведущее описание современных ему событий. Летопись: в Древней Руси — погодная запись исторических событий, происходящих в стране, городе, местности; всякая регулярная запись событий, дневник, хроника; совокупность, собрание каких-либо записей, произведений, снимков, кинолент и т. п., в которых нашли отражение отдельные моменты развития.

Обратимся к характеристике деятельности первых летописцев, данной выдающимся исследователем древнерусской и средневековой литературы академиком Д. С. Лихачевым: «Первые летописцы не просто записывали события, свидетелями которых они были, — они восстанавливали древнейшие события

русской истории по самым разнообразным, письменным и устным, источникам. Они были своеобразными исследователями, взвешивали различные версии одного и того же события... Восстанавливая ход русской истории, летописцы стремились связать эту историю Руси с историей мировой, понять ее как часть всемирной истории, выяснить происхождение славян и отдельных восточнославянских племен. С педагогической ясностью описывает летописец географическое положение Руси, начиная свое описание с водораздела Волги, Днепра, Западной Двины и, следуя их течению, в какое море каждая из этих рек впадает и в какие страны можно поплыть по каждому из морей» [4, 27].

Но летопись не бесстрашна, целью ее является не механическая фиксация событий текущих лет. Как ласточка с помощью слюны «склеивает» свое гнездо, так и церковные летописцы, движимые любовью к родной земле, сыновней заботой о ее настоящем и будущем, чистые перед Богом, отбирали в истории и современности для своих трудов те факты и события, которые могут послужить богоугодным примером отношения к Отечеству, и крепили слово к слову кровью своего сердца. На лучших образцах служения народу основываются их тексты, на осуждении всего того, что противно и вредно интересам государства, что ослабляло его единство и могущество. Древняя и средневековая литература, как и вся отечественная культура, развивались в веках, включая и советский период, по закону преемственности, и составляют единое живое целое. Это в полной мере относится к журналистике, ее историческому развитию.

Ключом к пониманию того, что «любовью к отеческим гробам» изначально определяется благодать в сегодняшней и завтрашней стране, может служить представление о времени в Киевской Руси, на что обратил внимание Д. С. Лихачев: «Мы воспринимаем прошлое как нечто находящееся позади нас, а будущее — как находящееся перед нами. Древнерусские представления о времени исключили нас самих из восприятия времени. Прошлое находится впереди какого-то причинно-следственного ряда, настоящее и будущее — в конце его, позади. “Передние князья” — это давние первые князья. “Задник” — события последние. Поэтому “переднее” прошлое было и самым важным, как начало событийного ряда, как его объяснение, первоисточник. От этого и “внуки” казались только наследниками славы и политики своих дедов и прадедов. Они могли наследовать “путь” дедов или растерять их наследство и, как следствие, лишиться славы дедов» [Там же, 46]. Так, прокладывая маршрут, мы постоянно сверяем его правильность (прямоту) по первой вешке.

Древняя и средневековая литература Руси исторична и документальна, она во многом и есть журналистика. «Вымысел, — пишет Д. С. Лихачев, — был крайне ограничен в древнерусской литературе, и литература примыкала к действительности и оформляла ее. Единство тем в литературе определялось самой действительностью, из которой эти темы черпались... Литература претендовала говорить только о том, что существует или существовало. Вымышленные герои отсутствовали в древней литературе. Если в литературе и рассказывалось о чудесах и явно не могущих произойти событиях, то авторы выдавали их за действительность, а читатели обязаны были им верить. Вымышленная

тема в принципе замкнута в себе, но когда литература претендует говорить только о действительном, называть только исторически существовавшие факты и рассказывать только о действительно живших героях, то в такой литературе нет замкнутости сюжетов. Эта литература единая единством человеческой истории. Тем самым создается реальная почва для ансамблевого строения литературных произведений этого времени» [4, 50].

Естественно, соответствуют характеру древней литературы и образы ее творцов. Один из виднейших их представителей — летописец Пимен изображен А. С. Пушкиным в трагедии «Борис Годунов». Сам поэт в «Письме к издателю “Московского вестника”» так характеризует своего героя: «Вы читали в первой книге “Московского вестника” отрывок из “Бориса Годунова”, сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение. В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе с тем мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших... Мне казалось, что сей характер все вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов...» [7, 51–53].

Примечательно то, что в начале этого письма А. С. Пушкин, размышляя о переменчивости литературной моды, задается вопросом: «Обряды и формы должны ли суеверно поглощать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка. Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» [Там же, 51].

Как точно эти доводы соотносятся с деятельностью летописца! Журналистика — область словесности, в основе которой — авторская совесть. Поэтому мы с полным правом можем отнести к ней замечание великого поэта.

Вполне согласуется с образом летописца представление А. С. Пушкина о журналисте. В статье «Обозрение обозрений» он пишет: «Сословие журналистов есть рассадник людей государственных — они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью» [8, 161].

В письме шефу корпуса жандармов графу А. Х. Бенкендорфу А. С. Пушкин сообщает: «С радостью взялся бы я за редакцию политического и литературного журнала, т. е. такого, в коем печатались бы политические и заграничные новости. Около него соединил бы я писателей с дарованиями и, таким образом, приблизил бы к правительству людей полезных, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненным к просвещению» [9, 499].

Как видим, Пушкиным двигало стремление принести максимальную пользу Отечеству, ему мало было поэтического, писательского вклада, он понимал, что журналистика в конкретной ситуации более результативна и действенна для улучшения нравов и общественного устройства. Поэт был велик и в журналистике.

тике, эстафету которой приняли у него и продолжили в XIX — XX вв. выдающиеся его последователи — блистательные писатели, публицисты, поэты.

В свете принципов и устремлений российского гения поучительны его метания как журналиста и издателя-редактора. Государственник, христианин, он пытался учредить и «раскрутить» в соответствии со своими представлениями то одно, то другое периодическое издание. Одна из многочисленных попыток ему удалась: был учрежден журнал «Современник», с которым Пушкин связывал и личные финансовые интересы. Известно, что им было выпущено четыре номера, которые не окупили затрат. В то же время такие издания, как «Северная пчела», «Сын отечества», «Северный архив», принадлежавшие Ф. В. Булгарину и Н. И. Гречу, которые являлись, по современным представлениям, информационным рыночным товаром и, естественно, привлекали потребительскую рекламу, не только окупались, но и приносили прибыль. С одной стороны, Пушкин признавал, что литература является «торговым предприятием» [10, 321] — по принципу: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». С другой стороны, не являясь прагматиком-рыночником, он, несмотря на все усилия, не смог составить коммерческую конкуренцию «продажным» изданиям Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча. Тем более что эти издатели контролировали розничную сеть, имели покровительство в правительственных кругах, в которых уже воспринимались законы рынка: все продается, все покупается, вопрос только в цене.

Редакционно-издательская деятельность Булгарина и Греча возмущала российского гения тем, что цели финансового благополучия достигаются негодными, безнравственными средствами. А ведь это родовая черта «свободного рынка». Противоречия, с которым столкнулся великий поэт, испытывают многие честные журналисты и современной России. Как «сословие людей государственных», они готовы трудиться, чтобы продавать рукописи (продукты добросовестного честного труда) с пользой для себя и общества. Но вот беда: коммерческий успех на рынке имеет преимущественно тот, кто озабочен сугубо собственным интересом (личной прибылью). К тому же чтение глубоких по содержанию изданий — серьезный умственный труд, который чужд потребительскому сознанию. И двум «господам» — капиталу и Отечеству рынок не служит. Он всегда «отрегулирован» в свою пользу. Выгодно продать — единственная цель торговца, продать все, за что могут много заплатить. Продать даже то, что запрещено, если есть шанс уйти от наказания. То, что Пушкина возмущало в деятельности Булгарина и Греча, является нормой рыночных отношений и практикой большинства современных СМИ.

Контрастом рыночным СМИ сегодня выступает религиозная журналистика, прежде всего православная, продолжающая традиции русской журналистики. Об этом мы писали в статье «Светский и церковный варианты информационной политики» [6, 211–222]. В православной журналистике есть понимание несовместимости паразитизма, ростовщичества со служением Богу и своей стране, гибельности для России насаждающейся идеологии безудержного потребления.

Если мы по примеру своих предков из Киевской Руси вперед поставим «ранних князей», то, думается, не ошибемся в своем будущем. Время круто

меняет формы, в том числе и формы государственного правления, но национальное, духовно-нравственное содержание и вектор народной жизни — величины постоянные, подтверждением чему служит испытание русского «материала» многовековым монгольским игом и захватническими войнами.

Закончить данную статью также хочется цитированием председателя Союза журналистов России Всеволода Богданова. В интервью газете «Новые известия», по итогам XII фестиваля журналистики в Дагомысе, на вопрос: «Главной темой фестиваля был поиск “формулы доверия” между прессой и обществом. Вы нашли эту формулу?» — лидер российских журналистов ответил: «Да. И в этом нам помог наш великий абхазский писатель Фазиль Искандер. Мы взяли эпиграф к лекции, которую он прочитал в Международном университете. Речь идет о совести, о том, что побеждает всегда совестливый. И хотя каждый вынужден заботиться о себе, о благополучии семьи, думать, чтобы выжило его СМИ, но еще есть долг. Ведь наша профессия — особая, от нее зависит здоровье общества и государства» [3].

Таким образом, мы вновь возвращаемся к вековым христианским добродетелям — к совести, ответственности перед обществом; к тому, что с древних времен определяло смысл и суть развития русского мира, в том числе и русской литературы, составной частью которой является журналистика; к тому, что определяло содержание, в общем и целом, советской журналистики. Из песни слов не выкинуть: культура народа, как и его история, — один живой неразрывный процесс, как человеческая жизнь. Можно сказать, не боясь ошибиться, что культура народа — это квинтэссенция его истории, самое близкое приближение к исторической истине. Поэтому так велика ответственность журналистов, особенно в современных российских условиях — сплошной «монетизации» жизни общества.

-
1. *Аграновский А. А.* Своего дела мастер: заметки писателя. М., 1980.
 2. *Богданов В. Л.* Журналистика без сопереживания — это бытописание // Парламент. газ. 2008. № 18–19.
 3. *Богданов В. Л.* Свободу журналист определяет для себя сам // Нов. изв. 2007. 16 окт.
 4. *Лихачев Д. С.* Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 27–50.
 5. *Малахеев И. В.* Уральская школа журналистики: миф или реальность // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1. 2006. № 40, вып. 19. С. 12–25.
 6. *Малахеев И. В.* Светский и церковный варианты информационной политики // Профессиональная культура как фактор информационной безопасности. Екатеринбург, 2008. С. 211–222.
 7. *Пушкин А. С.* Письмо к издателю «Московского вестника» // Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 51–53.
 8. *Пушкин А. С.* Обзорение обозрений // Там же. С. 161.
 9. *Пушкин А. С.* Письмо к А. Х. Бенкендорфу // Там же. Т. 10. С. 499.
 10. *Пушкин А. С.* Письмо к М. Н. Погодину от 11 июня 1832 г. // Там же. С. 321.
 11. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983.

Статья поступила в редакцию 15.05.2012 г.